

ОТЗЫВ

**официального оппонента, доктора философских наук, профессора
Никоненко С.В. на диссертационное исследование Каримова Артура
Равилевича «Сущность и роль интеллектуальных добродетелей в
познавательном процессе», представленное к защите на соискание
ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 –
онтология и теория познания**

Работа А.Р. Каримова написана на актуальную тему онтологических и гносеологических оснований современных теорий в рамках аналитической моральной философии. Российская философия на современном этапе интегрирована в мировые философские процессы, что требует от отечественных специалистов хорошего знакомства с проблемами и дискуссиями крупнейших философских направлений. Это порой осложняется тем, что отсутствует достаточное количество переводов и работ по обсуждению конкретных проблем. На этом фоне исследование А.Р. Каримова представляется особенно актуальным, поскольку оно посвящено практически неизвестному в России разделу англо-американской философии.

Перед тем, как мы начнем говорить непосредственно о тексте работы, хочется сделать одно очень важное замечание. Моральная философия в англо-американской мысли, ставящая во главу угла обсуждение добродетелей, трактует предметы этики и морали гораздо шире, чем это принято в отечественной философии. Для англоязычных философов, начиная с Локка и Юма, принято довольно широкое понимание предмета исследований морали; учение о добродетелях включает в себя не только собственно этику, но и проблемы связанные с гносеологией, антропологией, социальной и политической философией и т.д. Среди дискуссий о добродетелях и ценностях, которые ведутся в США, Великобритании и некоторых других странах, большую роль играют споры об эпистемологии добродетелей, выступающих предметом представленной работы. Для аналитических философов важны не только представления о добродетелях в этическом смысле, но также и ответы на такие вопросы: Как мы приходим к представлению о добродетелях? Какую роль добродетели играют в формировании концепции знания и истины? Каким должен быть язык, на котором следует высказываться о добродетелях? и т.п.

При этом автор работы отмечает, что для современной философии практически прошло время фундаментальных проектов, предложенных в новое время. Наиболее распространенные социальные и натурализованные формы современной «постаналитической» эпистемологии порой вообще отказываются от идеи нормативности, выводя проблематику эпистемологии за пределы учений о нормативности и добродетелях. Наблюдается релятивизм в обосновании центральных понятий эпистемологии добродетелей, таких, как «ценность», «знание», «истина», «мораль» и др.

Спецификой эпистемологии добродетелей является перенос этических категорий в область эпистемологии. Она провозглашает себя аналогией этики добродетелей, но уже в сфере познания. Именно это обстоятельство определяет ее проблемное поле. На первый план выдвигается вопросы: Что является когнитивным благом? Что мы, как ответственные познающие, должны делать, чтобы достичь этого когнитивного блага? Изначально эпистемология стремилась найти объективные, независимые от субъекта основания знания. Эпистемология добродетелей есть возврат к традиции Декарта-Канта-Рассела исследовать наши «субъективные мнения, их основания и происхождение». Поэтому убеждение (belief) здесь становится центральной категорией, на которую нанизываются все остальные категории теории познания. Здесь проявляется аналогия с этикой добродетелей, которая переносит акцент с вопроса «Является ли морально приемлемым некоторый поступок?» на вопрос «Каковы моральные диспозиции человека, совершающего этот поступок?». Как этика добродетелей смещает фокус моральной оценки с поступка на самого субъекта, так и эпистемология добродетелей смещает фокус эпистемической оценки с суждения на самого субъекта. Отсюда закономерен интерес эпистемологии добродетелей к интеллектуальному этосу, таким понятиям, как интеллектуальное смирение, интеллектуальная автономия и т.п. Этот подход дает новые перспективы для решения старых теоретико-познавательных проблем. В частности, эпистемология добродетелей впервые приобрела популярность в англоязычных странах, когда предложила собственный подход к решению так называемой «проблемы Геттиера» в 1980 – 1990-е гг. Главная новизна данного подхода – это применение ценностного дискурса за пределами этики в области собственно теории познания, когда даже центральные категории эпистемологии определяются в ценностных понятиях, в частности, в понятиях интеллектуальных добродетелей, что позволило значительно обогатить категориальный аппарат эпистемологии.

Для того чтобы написать свое исследование, А.Р. Каримову пришлось проделать огромную работу. К примеру, в списке литературы присутствует 294 работы, из которых 187 – не переведенные на русский язык издания на английском языке. Автор вводит в научный оборот и исследует концепции известных на Западе философов, которые в нашей стране пока только упоминаются и не представлены переводами, среди которых: Э. Голдман, Дж. Греко, Л. Загзебски, Э. Соса, Д. Робертс, Дж. Вуд и др. Конечно, автор учитывает и работы отечественных авторов, среди которых работы Э.А. Тайсиной, А.Н. Фатенкова, В.А. Лекторского, М.В. Лебедева и др. Можно сделать вывод, что работа отличается ярко выраженной эмпирической новизной. Также отметим, что представленную работу предваряют 29 публикаций, среди которых монография, 17 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК, и 6 публикаций в изданиях, входящих в базу Web of Science.

Чтобы быть конкурентоспособной, любая философская концепция должна глубоко проработать собственные теоретические и методологические

основания. Тем не менее, в существующих концепциях такая проработка представляется недостаточной. Нет строгого определения основных понятий эпистемологии добродетелей, прежде всего самого понятия интеллектуальной добродетели. Достоинством авторского подхода является то, что диссертант детально проработал узловые вопросы эпистемологии добродетелей, выявил имеющиеся теоретические проблемы и предложил их собственное решение. В первых двух главах автором произведен критический историко-философский анализ классических (с. 24-43) и современных (с. 92-147) концепций эпистемологии добродетелей. Показана преемственность и отличие современных концепций, которые не сводимы к аристотельской эпистемологии Аристотеля. Автор показал значимость эпистемологии добродетелей для решения проблемы ценности знания (с.124-128), проблемы обоснования знания (с.148-157), соотношения знания и понимания (с. 157-161), проблемы доксистической свободы (с. 162-166). Диссертант обосновывал идею аксиологического поворота в современной эпистемологии (с.193-197), который заключается в том, что в эпистемически «плотные» понятия, такие как понятия интеллектуальных добродетелей, приобретают логический приоритет над более «дисперсными» понятиями, такими как понятия «знание», «обоснование» (с. 198-201). В третьей главе автором обоснована двухуровневая концепция интеллектуальных добродетелей, которая инкорпорирует как превосходные познавательные способности, так и превосходные качества интеллектуального характера (с. 178-192). Применяя методологию эпистемического контекстуализма К. Де Роуза, автор обосновывал зависимость успешности проявления интеллектуальных добродетелей от эпистемического контекста (с. 221-235). Поскольку здесь используется целый ряд этических категорий, прежде всего понятие добродетели, необходимо разграничить области морального и интеллектуального этоса (что автор делает на с. 202-213). В четвертой главе метатеоретические рассуждения автора об основаниях эпистемологии добродетелей дополняются концептуальным анализом ее основных понятий. Особое внимание в диссертации автор уделяет добродетелям интеллектуального характера, обладание которыми в совокупности делает человека интеллектуально превосходным, или интеллектуально добродетельным. Это такие качества, как любовь к знанию (с. 260), открытость ума (с. 273), интеллектуальное смирение (с. 289), интеллектуальное усердие и интеллектуальное мужество (с. 308), интеллектуальная автономия (с. 316). В пятой главе обосновывается идея коллективной заслуги за знание, с точки зрения которой все субъекты-участники коммуникативной цепочки проявляют интеллектуальные добродетели в ходе познавательного процесса (с.342-351), а, значит, коммуникативное знание также может быть поставлено им в заслугу. Диссертант особое внимание уделяет обоснованию роли доверия и авторитета в познавательном процессе с учетом факта существования разделения эпистемического труда (с.352-369). Прикладное значение авторской концепции Каримова А.Р. видится в его применении в

образовании, перспективы чего обрисованы автором в заключительном параграфе 5-й главы (с. 370-381).

Следует отметить тот важный факт, что исследование эпистемологии интеллектуальных добродетелей проводится методами концептуального анализа и мысленного эксперимента, характерными для аналитической философии. Мы полагаем, что это важная положительная черта представленной работы, которую стоит особо отметить. А.Р. Каримов не является исследователем с внешней позиции. Он глубоко «погружен» в описываемый предмет, отчасти разделяя базисные концептуальные установки описываемых авторов. Поскольку А.Р. Каримов пишет на языке аналитической философии, то не возникает никакого методологического зазора между исследовательской позицией диссертанта и позициями основных описываемых авторов. При чтении как диссертации, так и представленного Автореферата важно понять, что в рамках аналитической традиции под «эпистемологией» понимается, прежде всего, раздел теории познания, который занимается проблемами опыта, мира и языка, а не проблемами рассудка и мышления (этим в аналитической философии занимается логика).

Конечно, автору работы далеко не всегда удалось успешно адаптировать сложный англоязычный терминологический аппарат эпистемологии добродетелей. Довольно часто, на наш взгляд, наблюдается излишнее засилье калькированных переводов и иноязычных слов, затрудняющих понимание. Так, автор использует такие термины, как: «кейс», «лейбл», «докастический», «ригидный», «аретический», «аксессибилизм», «релайлабизизм», «эктернализм», «эвиденциализм», «веритизм», «эпистемологический централизм». Мы склонны, тем не менее, довольно либерально принять эти неологизмы и не считать их недостатками исследования. А.Р. Каримов столкнулся с реальной проблемой практически полного отсутствия устоявшихся переводов вышеупомянутых английских терминов на русский язык. Как нам кажется, наблюдается чрезмерное увлечение такими понятиями, что видно по тесту работы. Вспомним, к примеру, блестящую работу по переводу сложных концептов аналитической философии, которую проделали представители советской школы истории аналитической философии: М.С. Козлова, А.С. Колесников, А.С. Богомолов, А.Ф. Грязнов и др. Они удачно употребляли не слово «интерналистский», а слово «внутренний»; не слово «когерентность», а слово «связанность»; не слово «корреспонденция», а слово «соответствие» и т.д. Другое дело, что и в самой аналитической философии в начале XXI в. наступает настоящая «терминологическая вакханалия», когда каждый автор занимается порой изобретением собственной терминологии. В любом случае, отметим как положительный момент то, что А.Р. Каримов сумел определить, описать и проанализировать все термины, которые появляются в тексте работы.

Вместе с тем, работа А.Р. Каримова не свободна от определенных недостатков и содержит в себе положения, которые можно оспорить. Мы приведем их в виде трех возражений.

Первое возражение можно отнести к положению № 1, выносимому на защиту. В нем утверждается, что в эпистемологической теории интеллектуальных добродетелей «вопрос заключается не в том, какие суждения являются истинными и обоснованными, а в том, каким я должен быть для того, чтобы снова и снова оказываться способным с высокой степенью вероятности продуцировать истинные убеждения» (с. 13 Автореферата). Как нам кажется, автор работы уделяет преувеличенное внимание анализу субъективности в вопросе истинных убеждений. Вне всякого сомнения, любые убеждения, так или иначе, являются чьими-то убеждениями и должны, по выражению Дж. Серла, рассматриваться «от первого лица»; но вопросы истинности не обязательно являются таковыми. Важно то, в чем заключается истинность суждений самих по себе, а не только то, какой субъект создает подобные суждения. К тому же, слово «вопрос», присутствующее в положении № 1, излишне проблематизирует положение, давая основания судить о том, что это не тезис, а проблема.

Второе возражение связано с трактовкой понятия «знание». Утверждается, что «с помощью понятия интеллектуальной добродетели предопределяется понятие “знание”» (с. 170). Также высказывается следующее положение: «Согласно определению знания, которое мы дали, знание – это истинное убеждение, сформированное благодаря интеллектуальным добродетелям» (с. 384). Также утверждается, что «этиологическая функция надежного процесса формирования убеждения есть формирование истинных убеждений» (с. 91). Как нам удалось выяснить, такие определения восходят к идеям Р. Загзебски – одного из базовых авторов, рассматриваемых в работе. Однако А.Р. Каримов лишает определения Загзебски своего конкретного, авторского характера, делая их всеобщими положениями. С нашей точки зрения, в работе недостаточно уделяется внимания доказательствам положения о том, что знание зависит от сформированных интеллектуальных добродетелей. Диссертант довольствуется, по преимуществу, определениями представителей эпистемологии добродетели, не пытаясь критически осмыслить эти определения. Т.е. автор недостаточно строго и полно определяет соотношение между категориями «знание» и «добродетель».

Третье возражение мы выскажем относительно одного из заявленных базисов исследования. В положении № 2 научной новизны исследования (с. 11 Автореферата) диссертант пишет: «В качестве онтогносеологических оснований предложены концепции экзистенциального материализма Э.А. Тайсиной и экзистенциального реализма А.Н. Фатенкова». Вне всякого сомнения, в тесте работы уделяется внимание взглядам вышеупомянутых авторов. К тому же идеи Э.А. Тайсиной, как научного консультанта, прослеживаются в языке и контексте диссертационного исследования. Однако нам неясно, в чем именно взгляды Тайсиной и Фатенкова оказались именно основаниями для концептуального базиса работы. А.Р. Каримов полагает, что обращение к работам Тайсиной и Фатенкова позволило выявить «метаэпистемологический и метатеоретический уровни в структуре эпистемологии добродетелей». Однако в тексте не дается достаточного

анализа этих уровней. Кроме того, диссертант на долгие страницы «забывает» труды Тайсиной и Фатенкова, что представляется нелогичным, учитывая заявленную базовую роль концепций этих двух авторов.

Тем не менее, высказанные замечания не снижают общего положительного впечатления, которое производит представленное диссертационное исследование. Мы имеем дело с подлинно фундаментальной, самостоятельной и оригинальной работой. В заключение следует сказать, что представленная работа производит впечатление качественно выполненного текста, основанного на кропотливой работе с источниками. Научные положения и выводы, приведенные в диссертации, обоснованы и достоверны, характеризуются научной новизной и имеют как теоретическое, так и практическое значение. Содержание опубликованных работ соискателя и автореферата соответствует основным положениям диссертации.

На основании вышеизложенного считаем, что работа Каримова Артура Равилевича отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Доктор философских наук,
профессор Кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного
университета



Никоненко С.В.

30.08.2018

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет»,
Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.
Телефон: (812) 328-20-00
Веб-сайт: <http://spbu.ru>
Адрес электронной почты: spbu@spbu.ru
s.nikonenko@spbu.ru



 С.В.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ